

DOI 10.23859/2587-8344-2018-2-4-5

УДК 94(47).084.3

Разиньков Михаил Егорович

Кандидат исторических наук, доцент,
Воронежский государственный лесотехнический университет
им. Г.Ф. Морозова
(Воронеж, Россия)
razinkov_mihail@mail.ru

Razin'kov Mikhail

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Voronezh State University of Forestry and Technologies
named after G.F. Morozov
(Voronezh, Russia)
razinkov_mihail@mail.ru

**Политическое сотрудничество
в революционном процессе 1917–1920 годов
(по материалам Воронежской губернии) ***

**Political Cooperation in the Revolutionary Process of 1917–1920
(on the Materials of Voronezh Province)**

Аннотация. Революционный процесс 1917–1922 гг. демонстрирует разнообразие форм сотрудничества на протяжении всего изучаемого периода. Февральский режим, режимы «демократической контрреволюции» основывались на представлениях о политической солидарности как фундаменте для построения нового российского государства. Октябрьский и Белые режимы предлагали различные варианты политического сотрудничества. Автор предлагает рассмотреть указанный процесс не только в масштабах России, но и в рамках отдельной Воронежской губернии.

* Для цитирования: *Разиньков М.Е.* Политическое сотрудничество в революционном процессе 1917–1920 годов (по материалам Воронежской губернии) // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2018. Т. 2. № 4. С. 116–148. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-4-5

For citation: Razin'kov, M. "Political Cooperation in the Revolutionary Process of 1917–1920 (on the Materials of Voronezh Province)". *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 2, no. 4 (2018): 116–148, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-4-5>

© Разиньков М.Е., 2018

© Razin'kov, M., 2018

Ключевые слова: Революция 1917 г., Гражданская война в России, политический процесс, политическое сотрудничество, политическая консолидация, солидарность, Воронежская губерния, партии в 1917–1920 гг., органы самоуправления.

Abstract. The revolutionary process of 1917–22 demonstrates the variety of instruments for cooperation throughout the period under the study. The February Regime and the regimes of ‘democratic counter-revolution’ were based on the ideas of political solidarity as the foundation for building a new Russian state. The October (the Bolshevik) regime and the White Movement offered various options for political cooperation. The author proposes to consider this process not only on a country scale, however also within the framework of Voronezh province.

Keywords: the Russian Revolution of 1917, the Russian Civil War, political process, political cooperation, political consolidation, solidarity, Voronezh province, parties in 1917–20, self-governing authorities

Введение

Рассматривать революцию сугубо как конфликт, тем более системный кризис, верно по существу, но мало что дает для понимания ее преобразовательного потенциала, следовательно, продуктивность такого подхода ограничена. В то же время социологические концепции обращают внимание на важнейшую роль социальной интеграции, солидарности, сотрудничества, консолидации при выработке идеи общественного согласия¹. Эти концепции, а также мысль о том, что революции делаются не только ради разрушения, дали повод для написания этого исследования. В данной статье я предлагаю посмотреть на революцию как на разнообразие моделей сотрудничества, осуществлявшихся не только в столичных центрах, но и в провинции. В качестве кейс-примера ситуации в русской провинции приводится Воронежская губерния. Отметим, что в зарубежной историографии развитие революционной ситуации, включая и элементы политического сотрудничества, в провинции на материалах Саратова и ряда других поволжских городов рассмотрел известный специалист по русской истории Д.Дж. Рейли².

¹ Дронов В.Т. Согласие как цивилизационный архетип российского общества // Социс. 2016. № 9. С. 157–160. Обзоры см.: Кармадонов О.А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социс. 2015. № 2. С. 3–12; Бондалетов В.В. Эволюция идей самоорганизации // Социс. 2015. № 3. С. 132–139.

² Raleigh D.J. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986. 373 p.; Raleigh D.J. Revolutionary Politics in Provincial Russia: The Tsaritsyn “Republic” in 1917 // Slavic Review. 1981. Vol. 40. № 2. P. 194–209; Raleigh D.J. The Revolution of 1917 and the Establishment of Soviet Power in Saratov // Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590 – 1917 / Edited by Rex A. Wade and Scott Seregny. Columbus, Ohio: Ohio State University Press, 1989. P. 277–306.

Основная часть

Февральский режим дал большие возможности для демократизации российского общества. В этих условиях активизируются процессы, связанные с политическим сотрудничеством³. Очевидно, что различные участники революционного процесса становились союзниками, вступали в организации, где должны были взаимодействовать друг с другом в рамках политического поля⁴. Программные документы различных политических сил обнаруживали существенное сходство, позволяя обосновывать блокирование идеологически⁵. Изначально либеральное Временное правительство очень быстро полевело и к лету 1917 г. туда входили социалисты. При этом основная либеральная партия – кадетов – участвовала во всех трех коалиционных правительствах и в 3-м его составе сумела даже усилить свои позиции с 4-х министерских кресел до 6-ти. Площадкой для сотрудничества праволиберальных сил стало Государственное совещание в Москве (август 1917 г.). В сентябре 1917 г. состоялось Демократическое совещание в Петрограде, на котором присутствовали делегаты от Советов, органов местного самоуправления, профсоюзов, кооперативов, армейских коллективов, национальных учреждений. В избранном на совещании Предпарламенте состояло 135 эсеров, 92 меньшевика, 75 кадетов, 58 большевиков, 30 энесов. Коалиционные идеи были характерны для исполнительной власти на местах – губернских комиссаров, губернских и уездных исполнительных комитетов.

³ Кружинов В.М., Сокова З.Н. Органы многопартийной социалистической власти на Урале осенью 1917 г. // *Российская история*. 2017. № 5. С. 44–61; Фельдман М.А. Промышленные рабочие России в 1917 г.: подходы к «социалистической» революции // *Российская история*. 2017. № 5. С. 44–61; Шаццлло М.К. Российские предприниматели в поисках контактов с советской властью в 1917–1918 гг. // *Российская история*. 2016. № 1. С. 28–43; Морозова О.М. Дон в 1917 году: мирная прелюдия революции // 1917 год в судьбах региона, страны и мира. Взгляд из XXI века / под общ. ред. В.И. Голдина. Архангельск: САФУ, 2017. С. 132–136; Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution: the Constitutional Democratic Party, 1917 – 1921. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974; Mawdsley E. The Russian Civil War. Edinburgh: Printed and bound by Grafica Veneta, 2000; Smele J.D. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926. Ten years that shook the world. London: Hurst & Company, 2015.

⁴ Поскольку приводимые факты сотрудничества (но не их систематизация в данном ключе) являются общеизвестными, обзор ситуации в масштабах бывшей Российской империи основан на анализе информации специализированной энциклопедической литературы: Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг.: Энциклопедия. В 4 т. М.: ТЕРРА, 2008; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1983.

⁵ Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2004; Разиньков М.Е. Трудовая народно-социалистическая партия и Российская коммунистическая партия (большевиков): сравнительный анализ программных установок // История и историография правого народничества: Сб. статей / под ред. Г.Н. Мокшина. Воронеж: Истоки, 2014. С. 141–152.

Другой территорией сотрудничества стали органы революционного самоуправления. В Советах ожидаемое большинство составляли социалистические партии – ПСР, РСДРП, народные социалисты. ВЦИК, созданный на I съезде Советов в июне 1917 г., включал 107 меньшевиков, 101 эсера, 35 большевиков, 8 объединенных социал-демократов, 4 трудовика и народных социалиста, 1 члена Еврейской социалистической партии. Советы делегировали своих представителей в городские Думы – место сосредоточения либералов. В результате перевыборов уже летом городское самоуправление носило партийно-коалиционный характер. Социальное представительство в нем обеспечивали не только Советы, но и профсоюзы, в которых также руководящую роль играли представители различных партий. В рамках одного крупного города различными профсоюзами могли руководить и большевики, и меньшевики, и эсеры, и представители национальных партий, которые просто вынуждены были вступать друг с другом в диалог. На 3-й Всероссийской конференции профсоюзов (июнь 1917 г.) был избран временный управляющий орган, состоявший из 16 большевиков, 16 меньшевиков, 3 эсеров. Комитеты общественных организаций, возглавлявшиеся кадетами, меньшевиками и эсерами, до июля 1917 г. оказывали значительное влияние на организацию революционной власти и в дальнейшем продолжали отстаивать свое право на существование именно через идею представительства различных политических сил.

Социалистические партии, включая большевиков, на протяжении всего 1917 г. рассматривали возможность создания единого фронта. В.М. Чернов выступал с идеей объединения социалистов в единую партию; меньшевики в мае – августе 1917 г. пытались воссоздать единство РСДРП с помощью созыва конференции и съезда. На 2-м съезде Трудовой народно-социалистической партии (22–28 сентября 1917 г.) подчеркивалось, что для консолидации общественных и государственных сил партия будет сотрудничать с правыми эсерами, меньшевиками-интернационалистами, группой «Единство» и кадетами.

Большевики рассматривали себя как часть общего политического поля с другими социалистическими партиями, по меньшей мере, до сентября 1917 г., а в ряде случаев и до созыва Учредительного собрания. Говоря о возможности мирного развития пролетарской революции, В.И. Ленин приводил пример корниловских событий, когда даже кратковременный союз большевиков, меньшевиков и эсеров дал «полнейшую, с невиданной ни в одной революции легкости достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушительное подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистической и кадетской контрреволюции, что гражданская война с этой стороны развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распа-

лась до какого бы то ни было “боя”»⁶. По мысли большевистского вождя, такой союз позволил бы революции перейти из военной в политическую плоскость, поскольку «внутри Советов борьба партий за власть может идти мирно, при полном демократизме Советов...»⁷. В процессе октябрьского переворота большевики продолжали искать компромиссы и не рушить за собой мосты окончательно, вступая в различные коалиционные управляющие органы, как это было, например, на Урале или в Курске⁸. Отказ В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого сформировать «однородное социалистическое правительство» вызвал первый кризис в захватившей власть партии.

Третьим аспектом сотрудничества стало слияние близких политических группировок. В июне 1917 г. объединились «трудовики» и народные социалисты, в июле в состав РСДРП(б) влились «межрайонцы», к августу – большинство членов группы «Вперед». В сентябре объединились небольшие Либерально-республиканская и Радикально-демократическая партии. Такое сближение затрагивало и национальные партии. Например, летом 1917 г. объединились Социалистическая еврейская и Сионистско-социалистическая рабочие партии.

Наконец, появлялись внепартийные общественные объединения политического характера. С февраля по декабрь 1917 г. действовал Временный комитет Государственной Думы, в который входили октябристы, кадеты, меньшевики, представители большинства фракций Думы. С августа начал работу Совет общественных деятелей в Москве, объединявший членов Госдумы, кадетов, промышленников, цензовых земцев, представителей профессуры. О намерениях по поводу политического блокирования с социалистами заявлялось на втором Совещании общественных деятелей 12–14 октября 1917, которое «высказалось за поддержку на выборах в Учредительное собрание групп, стоящих на государственной платформе, за соединение с Трудовой народно-социалистической партией и группой “Единство”»⁹.

После большевистского переворота возможности для политического сотрудничества сохранились. Конец 1917–1918 гг. стали временем поиска демократической альтернативы большевистской диктатуре. Целый спектр межпартийного и политико-социального блокирования был представлен на выборах в Учредительное собрание, где наряду с предсказуемыми блоками, например, эсеров и меньшевиков, можно было встретить соглашения кадетов и плехановского «Единства», религиозных объединений с энесами, большевиков с мень-

⁶ Ленин В.И. Полн. соб. соч. В 55 т. М.: Госполитиздат, 1977. Т. 34. С. 222–223.

⁷ Там же.

⁸ Кружинов В.М., Сокова З.Н. Указ. соч. С. 44–61; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. С. 271.

⁹ Революция и Гражданская война в России. Т. 1. С. 361–362.

шевиками и т.д.¹⁰ При этом большевистский режим взаимодействовал с другими политическими силами. Собственные проекты сотрудничества предлагали организаторы Белого движения и национальные правительства.

Центром притяжения социалистических и либеральных политических сил стали антибольшевистские правительства, такие как КОМУЧ, Временное Сибирское правительство, Временное правительство Северной области, Уфимская директория. У истоков Добровольческой армии стоял Гражданский совет, в который входили 4 социалиста и 7 либералов (в т.ч. М.М. Федоров, Б.В. Савинков, П.Б. Струве). Верховную власть осуществлял триумвират: А.М. Каледин управлял Донской областью, Л.Г. Корнилов командовал армией, М.В. Алексеев сосредоточил у себя гражданское управление, внешние связи и финансы. Несмотря на то, что в дальнейшем победила идея военной диктатуры, основа Белого движения воспринималась как различного рода конфедерации и федерации: Вооруженные силы Юга России, союз белых областей во главе с Верховным правителем А.В. Колчаком, федеративный проект Доно-Кавказского союза П.Н. Краснова. Показательно, что в конце 1917–1918 гг. Советская Россия также воспринималась как конфедерация революционных республик (Донецко-Криворожская, Терская, Кубано-Черноморская и т.п.), что институционально сближало ее с антибольшевистскими конфедерациями.

Самым заметным союзом в рамках Октябрьского режима был, конечно, союз большевиков с ПЛСР (ноябрь 1917 – март 1918 гг.). Левые эсеры участвовали в работе всех отделов ВЦИК, занимая там половину мест, пользовались значительным влиянием в Московском областном СНК, Совете комиссаров Союза коммун Северной области, Центрально-Черноземном регионе, СНК Сибири, играли доминирующую роль в СНК Туркестана и в ТурЦИК. Вытесненная летом 1918 г. из российского политического поля, ПЛСР успешно действовала как левацкий центр на Украине. Впрочем, вытеснение это оказалось в некоторой степени условным, поскольку левые эсеры, наряду с анархистами, участвовали во Втором Всероссийском съезде профсоюзов (16–25 января 1919 г.). ПЛСР (объединенная) была допущена на 8-й Всероссийский съезд Советов в декабре 1920 г.

Сохранялись контакты большевиков с социалистическими партиями, причем стремление к таким контактам было обоюдным. Часть социалистов предпочитала взаимодействовать с большевиками, а не с белыми режимами. Большевики, в свою очередь, оказались заинтересованы в контактах с социалистами, когда к концу 1918 г. стало ясно, что Гражданская война затягивается. Несмотря на фактический разрыв отношений РСДРП (объединенной) с большевиками в июне – октябре 1918 г., она вернулась к политике институционального со-

¹⁰ См. схемы блокирования: *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. С. 134, 137.

трудничества против сил контрреволюции, выступая как оппозиция во ВЦИК, Советах, профсоюзах. Доклады «О задачах профсоюзов» на Втором Всероссийском съезде профсоюзов читали не только В.И. Ленин, но и Ю.О. Мартов, и С.А. Лозовский (РСДРП (интернационалистов)). В более сложной ситуации оказалась ПСР, объявившая в мае 1918 г. войну большевикам, но потерпевшая поражение от Белого движения. Уже в декабре 1918 г. на совещании в Уфе видными эсеровскими деятелями было принято решение о прекращении войны с большевиками. ЦК долгое время не признавал действия Уфимской делегации легитимными, но, в конечном итоге, и он решился пойти на переговоры с РКП(б).

Вместе с тем, если в антибольшевистских правительствах эсеры и меньшевики могли занимать ведущие позиции, то в рамках советской системы им была уготовлена роль безуспешного критика. Поэтому вполне понятен проявившийся к концу Гражданской войны еще один вид сотрудничества в форме ассимиляции, т.е. перехода многих деятелей соцпартий, а порой и партий целиком, в ряды большевиков. В 1920 – 1921 г. в состав РКП(б) вошли Бунд и Российская социалистическая рабочая партия интернационалистов (возникшая в 1919 г. при слиянии РСДРП(и) и Российской партии независимых с.-д. левых интернационалистов). Происходило и слияние с РКП(б) альтернативных коммунистических группировок: Партии народников-коммунистов (октябрь – ноябрь 1918 г.), Партии революционного коммунизма (сентябрь 1920 г.). Сходные процессы наблюдались и на национальных территориях распавшейся империи. Например, в Польше Коммунистическая рабочая партия, созданная в 1918 г. в результате объединения Социал-Демократии королевства Польши и Литвы с Польской социалистической партией – левицей, стала в 1919–1920 гг. центром мощного притяжения отделов национальных партий коммунистической и социалистической направленности. В партию вошли польские отделения Бунда, Поалей-Цион, Украинской социал-демократической рабочей партии, Белорусской социалистической партии.

Еще одной формой сотрудничества, получившей большое распространение в послеоктябрьский период, стали внепартийные объединения, такие как Комитет спасения Родины и революции, Союз защиты Учредительного собрания, Союз возрождения России, Правый, Национальный, Тактический, Политический центры.

Из приведенных фактов видно, что разнообразие форм сотрудничества являлось частью революционной политической культуры не только в период Февральского режима, но и в послеоктябрьское время, рассматриваемое обычно как период установления однопартийной диктатуры. Важнейшими формами сотрудничества были: взаимодействие партий и общественных организаций в революционных государственных и муниципальных органах, сотрудничество

партий вплоть до их слияния, создание внепартийных общественно-политических объединений. На мой взгляд, подобное взаимодействие, имевшее значительный демократический потенциал, создавало мощную и разнообразную основу для демократического компонента развернувшегося процесса модернизации Российского государства. Для Февральского режима сотрудничество было основой новой власти, организовывавшейся из партий, органов государственного управления и самоуправления. Эту линию пытались продолжить демократические правительства, сформировавшиеся в Сибири, Поволжье, Северной области в 1918 г. Октябрьский режим рассматривал сотрудничество не только как вынужденную меру, но и как источник пополнения рядов правящей партии, позиционировавшей себя как единственный центр притяжения всех здоровых сил страны. Белые режимы, тяготея, как и большевики, к диктатуре, идентифицировали себя с западными ценностями, сотрудничая со всеми антибольшевистскими силами, но предпочитая, однако, их праволиберальный компонент.

Для уяснения нюансов развития революционного процесса немаловажно посмотреть на ситуацию в русской провинции, характерным примером которой может стать аграрная Воронежская губерния с великоросским большинством.

Можно с уверенностью сказать, что, как и Временное правительство, местные активисты стремились создать новую власть на основе широкого сотрудничества государственных учреждений и общественных организаций, выражающейся в коллегиальности решений по большинству вопросов. В образованный 11 марта 1917 г. Воронежский Комитет общественного спокойствия на паритетных началах вошли представители Городской Думы, Совета Рабочих Депутатов и Комитета объединенных общественных организаций и учреждений, а также делегаты от солдат и офицеров. Одновременно в комитет объединенных общественных организаций входили представители 101 учреждения и учебных заведений. 17 марта в состав городской Думы вошли 26 делегатов от Советов¹¹.

Несмотря на то, что к лету 1917 г. взаимоотношения воронежского Совета с Комитетом общественного спокойствия заметно ухудшились, взаимодействие с органами власти, напрямую подчинявшимися Временному правительству, сохранялось и даже продолжало расширяться. Спектр точек соприкосновения был достаточно велик: культурно-просветительская работа, совещания по продовольствию, топливу, социальная помощь, борьба с преступностью и нейтрализация крестьянского движения. На проводившихся в Губернском исполнительном комитете заседаниях и в различных совещаниях неизменно присутствовали представители от государственных органов, ответственных комиссий и комите-

¹¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12. Л. 7; Д. 13. Л. 7–8.

тов, органов земского и городского самоуправления, армейского командования¹².

После Октябрьского переворота взаимоотношения между Советом, общественными организациями и институциями, созданными в ходе Февральского режима или даже до него, не были разорваны сразу. Губернская продовольственная управа, земства, воронежская городская Дума, хотя и высказывали недовольство новой властью, однако периодически выносили постановления о необходимости продолжать работу в новых условиях. До декабря 1917 г. работал губернский комиссар Б.А. Келлер, назначенный на эту должность еще в июле 1917 г. До января 1918 заседали дооктябрьский состав окружного суда, прокуратуры и губернская земская управа¹³. Решение Губисполкома о ликвидации учреждений губернского земства последовало только в августе 1918 г., причем земские учреждения, вместе со старыми служащими, инкорпорировались в губернский совнархоз. Показательно, что власть большевиков не «требовала крови» даже бывших очевидных противников. Так, первый губернский комиссар Временного правительства и председатель губернской земской управы В.Н. Томановский еще в декабре 1918 г. занимал должность заведующего административно-фискальным подотделом финансового отдела Воронежского губисполкома¹⁴. Продолжил работу в качестве профессора Воронежского сельскохозяйственного института, а затем академика АН СССР и ВАСХНИЛ Б.А. Келлер, привлекавшийся в 1920-е гг. к работе в воронежском облисполкоме.

Сотрудничество на протяжении 1917 – первой половины 1918 гг. сегментов российской политической системы объясняется присутствием в них представителей одних и тех же партий. Так, в участниках заседания Губернского исполнительного комитета 20 мая 1917 г. значились эсеры, энесы, социал-демократы и анархист. Председателем тогда был назначен эсер В.П. Кабытченко, товарищем председателя – энес (бывший кадет) П.Я. Ростовцев¹⁵. После июльских выборов в воронежскую городскую Думу была сформирована управа с равным представительством эсеров, меньшевиков и кадетов¹⁶. Сходная ситуация была в уездных центрах. Из 22 депутатов Валуйской городской думы 17 человек были эсерами, 2 – большевиками, 1 был избран от кадетов и народных социалистов.

¹² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 111 об.; Д. 10. Л. 89.

¹³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 27, 53, 59; Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 320. Л. 23; *Соболев П.Н.* Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1955. С. 56.

¹⁴ *Филиппова С.В.* Завершение деятельности губернского земства в Воронеже в 1918 г. // Из истории Воронежского края. Сб. ст. / отв. ред. А.Н. Акиншин. Воронеж: ВГУ, 2011. Вып. 18. С. 218–221.

¹⁵ ГАВО. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 114, 117–118.

¹⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 21–23.

В Острогожской городской думе кадеты получили 3 места, большевики – 6¹⁷. Избранная в июле воронежская городская дума дала коалицию эсеров, меньшевиков и кадетов¹⁸.

Одновременно социалистические партии взаимодействовали в рамках Совета, где к лету 1917 г. присутствовали эсеры, большевики, меньшевики, представители Бунда. В августе 1917 г. было принято решение о предоставлении места в Совете Еврейской социалистической партии, в сентябре – Трудовой народно-социалистической партии. Летом 1917 г. при Совете функционировала объединенная библиотека эсеров и социал-демократов. По крайней мере, в августе – сентябре 1917 г. существовал Социалистический клуб, куда входили представители эсеров и большевиков¹⁹. Иначе говоря, противоречия между партиями не представлялись фатальными и точки соприкосновения находили организационное оформление. Сотрудничество также осуществлялось на уровне комитетов партий, комитета Юго-Восточных железных дорог, чрезвычайных органов: Революционного распорядительного комитета, созданного для борьбы с корниловским выступлением, Комитета общественной безопасности и Временного революционного комитета (ВРК), существовавших во время октябрьско-ноябрьских событий 1917 г.

Имеющаяся информация доказывает, что у воронежских большевиков были серьезные разногласия по поводу необходимости разрыва с социалистическим движением и непосредственно переворота. Губком большевиков был создан только в октябре 1917 г., т.е. контакты с меньшевиками не порывались окончательно на протяжении почти всего февральского режима. Председатель губкома, старый большевик Н.Н. Кардашев, не принимал прямого участия в организации переворота в Воронеже. Последний был осуществлен под руководством группы «молодых» во главе с приехавшим из Петрограда после июльских событий «межрайонцем» А.С. Моисеевым. Член большевистского губкома С.Д. Турчанинов в начале декабря 1917 г. вышел из партии в знак протеста против Октябрьского переворота²⁰. Показательно, что публикации воронежской большевистской газеты «Путь жизни» за август – сентябрь содержат как заявления о необходимости гражданской войны и выпады против социал-шовинистов, так и объявления о работе социалистического клуба с выступлениями эсеровских руководителей²¹. Перед самым переворотом большевики и левые эсеры предлага-

¹⁷ *Соболев П.Н.* Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1955. С. 56.

¹⁸ Воронежский телеграф. 1917. 12 сентября. С. 1.

¹⁹ ГАВО. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 20, 34 об., 58 об., 73, 77, 79; Д. 4. Л. 85, 90.

²⁰ Воронежский областной краеведческий музей. Фонд участников революции и гражданской войны. Папка № 655/1. Врачев И.Я.

²¹ Путь жизни. 1917. № 1–7.

ли создать бюро для организации перевыборов в Совет, куда бы входили не только они, но и социалисты-революционеры, меньшевики, беспартийные²².

Переход власти к ВРК в Воронеже не означал исключения социалистических партий из политической жизни. Надо сказать, что представители Военно-революционного комитета не стремились выступать откровенными диктаторами и рассматривали себя как орган, попытавшийся предотвратить в Воронеже контрреволюционное выступление. Высылаемые в милицию, банк, к городскому голове и в думу делегаты и комиссары резко отстаивали свои взгляды, но не стремились занять управляющие посты в указанных организациях насильно. Это даже вызывало удивление у отстраненных от власти деятелей и порождало надежды на возможный пересмотр ситуации. Всю первую половину ноября Совет пытался функционировать в дооктябрьском составе. Фракции эсеров, меньшевиков и беспартийных вышли из Совета только 10 ноября²³. В ноябре 1917 г. эсерам удалось собрать крестьянский съезд в Воронеже, вплоть до весны 1918 г. они заседали в продовольственных комиссиях. Сотрудничество партий и общественных организаций на базе протеста против большевистско-левоэсеровской власти было заметно в ходе выборов в Учредительное собрание. Прошедшие 12–14 ноября выборы сопровождались не только объявлениями профсоюзов о нежелании сотрудничать с узурпаторами, но и попытками консолидировать «здоровые силы общества». Так, воронежская организация Трудовой народно-социалистической партии создала целый общественный фронт, куда входили продолжавший функционировать Комитет объединенных общественных организаций, Союз интеллигенции, союз инженеров и техников, а также объединения кооператоров²⁴. Партии и профсоюзные организации неоднократно заявляли о необходимости сотрудничать с органами управления, созданными «февральским режимом» (думой, управами, комитетами), призывали налаживать отношения между ними на межгубернском уровне²⁵.

В марте 1918 г., после подписания Брест-Литовского мира, фракция эсеров заявила о своем протесте, но осталась в Совете. Эсеры и меньшевики вплоть до весны 1918 г. занимали важные должности в комитете служащих Юго-Восточных железных дорог, Союзе служащих-чиновников правительственных учреждений, Союзе инженеров и техников, имели доступ к средствам Государственного банка. По крайней мере, до июня 1918 г. в губернии легально издавались газеты меньшевиков и эсеров. Председатель свергнутого большевиками Совета А.В. Михайлов фигурирует в документах как один из организаторов губернского съезда профсоюзов в 1919 г., а меньшевистское влияние в профсою-

²² Путь жизни. 1917. № 12. С. 3–4.

²³ Воронежский телеграф. 1917. 12 ноября. С. 2–3.

²⁴ Воронежский телеграф. 1917. 9–11 ноября.

²⁵ Воронежский телеграф. 1917. 18 ноября. С. 1.

зах прослеживается, по крайней мере, до 1920 г.²⁶ При выборах Совета в уездном Павловске в декабре 1917 г. председателем был избран большевик, а его товарищем – эсер. Более того, до конца лета 1918 г. здесь действовали два Совета – городской, находившийся под контролем эсеров, и уездный – контролируемый большевиками²⁷.

В 1918 г. продолжалось сотрудничество большевиков с партией левых эсеров. В октябре 1917 г. регулярно созывались «пятерки» представителей этих партий, где обсуждались все тактические вопросы. Во время переворота членами Военно-революционного комитета были, наряду с большевиками А.С. Моисеевым, В.Н. Губановым, И.А. Чуевым и И.Я. Врачевым, левые эсеры Е.Ф. Муравьев, И.С. Пляпис и Н.И. Григорьев. Н.И. Григорьев в декабре 1917 г. на короткое время стал председателем ВРК²⁸. Дружины, возглавляемые левыми эсерами Е.Ф. Муравьевым и М.А. Чернышевым, сыграли одну из ключевых ролей во время переворота 30 октября 1917 г. Небольшой отряд во главе с левым эсером Титковым выполнял в конце 1917 – начале 1918 гг., по сути, функции ЧК, арестовывая подозрительные собрания и участвуя в подавлении вспышек недовольства в городе²⁹. На III Всероссийский съезд Советов были делегированы депутаты от обеих фракций. 28 декабря 1917 г. большевиками и левыми эсерами был организован губернский крестьянский съезд, где из 169 делегатов было 92 большевика, 61 левый эсер и 16 беспартийных³⁰. В мае 1918 г. левые эсеры руководили продовольственным и земельным отделами губкома Советов, занимали пост председателя революционного трибунала, участвовали в национализации воронежских банков. В июне 1918 г. был поставлен вопрос о передаче под контроль левых эсеров финансового отдела, участия их в чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступностью, издании газеты, в том числе перебазировавшегося в Воронеж ЦК левых эсеров Украины. Сотрудничество фракций осуществлялось и в профсоюзах (например, почтово-телеграфных служащих) и при регулировании социальных конфликтов³¹. Даже после того, как отношения с ПЛСР начали охлаждаться (в Воронеже уже с середины июня 1918 г.), Воронежский комитет РКП(б) 17 июня предлагал левым эсерам занять вместо ключевых продовольственного и финансово-

²⁶ ГАВО. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 50. Л. 19 об.–20, 43; Д. 258. Л. 1 об.

²⁷ ГАВО. Р-2393. Оп. 1. Д. 8а. Л. 4–4 об.; *Соболев П.Н.* Указ. соч. С. 106, 142–143; За власть Советов. Сборник воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917 – 1918 годах / под ред. И.Г. Воронкова, Т.М. Севастьяновой. Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1957. С. 86, 116–122.

²⁸ За власть Советов. С. 26, 46, 50–53; ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 8. Л. 117.

²⁹ ГАВО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 20. Л. 107–108 об.

³⁰ *Соболев П.Н.* Указ. соч. С. 111.

³¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14, 17, 21–21 об., 36–37, 38 об., 40, 42, 48, 51 об., 58 об., 62 об., 64 об., 81–82, 84, 95–96, 105.

го комиссариата земельный, земский, призрения, юридический, хозяйственный и медико-санитарный.

Несмотря на разрыв, произошедший после июльского мятежа левых эсеров, повальных арестов в Воронеже не произошло. 24 июля губернский комитет ПЛСР счел возможным обратиться к комитету РКП(б) с просьбой снять арест с его газеты «Знамя трудовой борьбы». В уездном Задонске еще в конце августа 1918 г. ставился вопрос о недопущении левых эсеров в комиссии и президиум местного Совета, причем от ПЛСР поступали заявления о необходимости занятия членами партии мест в Совете³². Известно, что в Землянске левый эсер находился в исполкоме даже в конце сентября 1918 г.³³

Нежелание окончательно порывать с большевиками привело к тому, что часть воронежских левых эсеров уже в октябре 1918 г. приняла участие в создании партии народников-коммунистов, а часть вообще заявила о необходимости слияния с РКП(б)³⁴. Следует вспомнить, что в 1920–1921 гг. бывшие руководители воронежских левых эсеров Е.Ф. Муравьев и М.Ф. Цепляева пошли на сотрудничество с органами ЧК и участвовали в качестве подставных лиц несуществующей эсеровской подпольной организации при ликвидации антоновского восстания в Тамбовской губернии. В целом, пожелавшие сотрудничать с большевиками левые эсеры пошли по пути ассимиляции. Это позволило им остаться в постреволюционной субкультуре «заслуженных революционеров», но лишило возможности политической деятельности. Так, в 1957 г. на встрече участников революции 1917 г. почетными гостями были Е.Ф. Муравьев, М.А. Чернышев³⁵. Те же, кто (как один из крупных деятелей ПЛСР в России и на Украине Я.С. Базарный) попытался пойти на примирение с властью, но лелеял надежду на возможное восстановление политической деятельности, жестоко поплатился в 1930-х гг.

Сотрудничество проявлялось и на уровне национальных партий и комитетов. Проживание на территории Воронежской губернии беженцев из западных регионов бывшей империи, наличие сегмента еврейского и немецкого населения привело к активности здесь национальных партий и организаций. Во время Февральского режима проявили себя Бунд, сионистская организация, Поалей-Цион, Еврейская и Польская социалистические партии, причем некоторые из них имели доступ к работе Совета. Известно, что польские социалисты примыкали к левым эсерам и были настроены наиболее комплиментарно к Октябрьскому режиму. 5 декабря 1917 г. в мандатную комиссию воронежского Совета

³² ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–1 об., 8–9.

³³ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 342. Л. 1.

³⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

³⁵ Воронежский областной краеведческий музей. Фонд участников революции и гражданской войны. Папка 655/1. Врачев И.Я.

обратились польские делегаты, сообщавшие, что Воронеже образовалась группа Польской партии социалистов-революционеров, на собрании 3 декабря 1917 г. тридцати трех членов которой в Совет был делегирован К. Будогоский. Поляки выступили с полной поддержкой Октябрьского переворота: «ибо вторая Российская революция пережила великий праздник, тот день объединения съезда советов с центральным комитетом советов раб. и солд. депутатов. Революционная демократия только теперь углубит революцию, объединяясь вокруг совета народных комиссаров». В том же обращении поляки приветствовали декреты СНК и Польскую Демократическую народную республику³⁶. Один из лидеров польских социалистов С.И. Данилькевич в конце 1917 г. занимал пост товарища председателя Воронежского Совета.

В дальнейшем сотрудничество осуществлялось в форме ассимиляции национальных организаций в структуры РКП(б) и культурно-просветительных органов. В 1918 г. существовал Губернский комиссариат по еврейским национальным делам. Еврейская секция работала не только при губкоме РКП(б), но и в местной организации РКСМ. К августу 1918 г. при губкоме РКП(б) работали литовская, латвийская, немецкая секции. До осени 1918 г. в Воронеже присутствовала украинская «Громада», Краевой комитет украинской ПЛСР, эвакуировавшийся из Харькова. В 1922 г. в Воронеже существовал Украинский клуб имени Т.Г. Шевченко, при отделе нацменьшинств губернского отдела народного образования было создано Украинское губернское бюро³⁷.

В Воронежской губернии на рубеже 1917–1918 гг. проявили себя и межпартийные организации, такие как комитет защиты родины и революции и Союз защиты Учредительного собрания. Так, на заседании организационного собрания Союза защиты Учредительного собрания 13 декабря 1917 г. в Воронеже участвовали представители от 24 организаций, в том числе от партий, профсоюзов, рабочих комитетов, военных 59-го полка под председательством энеса Н.В. Чехова. Правда, собрание было разогнано Военно-революционным комитетом³⁸. В уездных Валуйках в заседании комитета спасения родины и революции 5 декабря 1917 г. участвовали кадеты, эсеры, энесы, социал-демократы, представители местного Совета рабочих и солдатских депутатов, уездной укра-

³⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 323. Л. 144–146.

³⁷ *Коротун С.Н.* Секции национальных меньшинств в Воронежской губернии (1918–1921) // Из истории Воронежского края. Сб. ст. / отв. ред. А.Н. Акиншин. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2011. Вып. 18. С. 224–229; *Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А.* Национальные меньшинства Воронежского края в 1917 – 1941 гг. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2012. С. 64, 66–68, 217–218, 228, 242; *Документы Краснянского восстания / публ. Я. В. Леонтьева // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сб. статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО–XXI, 2013. С. 308; ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 320. Л. 23; ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.*

³⁸ Воронежский телеграф. 1917. 14 декабря. С. 3.

инской рады и председателя уездной комиссии по выборам в Учредительное собрание³⁹. Есть сведения о деятельности подобного же рода организаций в уездных Боброве, Острогожске. В то же время большевистско-левоэсеровская власть обнаружила способность заключать союзы с военизированными формированиями неустойчивой политической ориентации. В апреле 1918 г. в Воронеже на несколько дней возникла «федерация» из представителей красноармейских отрядов, занявших город и позиционировавших себя как «анархисты», воронежского руководства большевиков и левых эсеров. На несколько дней Исполком Совета был распущен. Вероятнее всего, с «анархистами», которых поддержала большая часть воронежского гарнизона, пошли на сотрудничество именно левые эсеры, тем более, что вошедшие в город части находились под общим руководством левого эсера Г.К. Петрова⁴⁰.

Заключение

Сказанное выше, конечно, не отменяет наличия в стране мощного социального, политического конфликта. Вместе с тем, мы фиксируем существенное развитие политического режима в центре и на местах в аспекте сотрудничества. Ритмы этого развития могли не совпадать, однако формы, в которых оно протекало, демонстрируют общность. В феврале – октябре 1917 г. сотрудничество осуществлялось на уровне Временного правительства и восходящих к нему управленческих структурах на местах, в органах революционного самоуправления, создавались межпартийные блоки, происходило слияние близких по идеологии партий. Отличительной чертой этого периода стало как раз многообразие субъектов политического сотрудничества, искавших разнообразные формы взаимодействия. Полагаю, что переломным моментом в смене режимов стал не только Октябрьский переворот, но и неудавшееся Учредительное собрание, после краха которого начался демонтаж Февральского режима, державшегося до этого времени именно на структурах общественной солидарности. Впрочем, в 1918 г. подобные тенденции продолжали существовать в рамках режимов «демократической контрреволюции», действовавших под знаменем солидарности абсолютно всех антибольшевистских политических сил.

Октябрьский режим демонстрировал возможности для компромиссов на политическом, социальном, национальном уровнях, отрицая, однако, плюрализм как основу культурно-идеологической составляющей политической системы. В качестве форм политического сотрудничества продолжали существовать контакты между социалистическими партиями, в новую политическую систему интегрировались не только органы «демократического» самоуправления (Советы,

³⁹ Воронежский телеграф. 1917. 15 декабря. С. 3.

⁴⁰ Два архивных документа / сост. С.Н. Третьяков. М.: Издательство Олега Пахмутова, 2014. С. 91–95.

профсоюзные объединения), но и рабочие структуры земств, городских дум, национальные организации. Предпочтительной формой государственно-территориального устройства представлялась федерация. Одновременно Белые режимы предлагали сходную авторитарную модель политического взаимодействия, сохраняя, однако, внешние атрибуты демократического взаимодействия: межпартийные и внепартийные объединения, сотрудничество партий в правительствах, наличие местного самоуправления.

Introduction

To view the revolution purely as a conflict, even more as a systemic crisis, would be true, however does little to understand its transformative potential, hence the productivity of this approach is limited. At the same time, sociological concepts pay attention to the crucial role of social integration, solidarity, cooperation and consolidation in the development of the idea of social harmony¹. These concepts, as well as the idea that revolutions are made not only for the sake of destruction, provided the grounds for this study. In this article, I suggest considering revolution as a variety of cooperative models applied not only to the capital cities, however also to the provinces. The Voronezh province is given as a case study to consider the situation in the Russian provinces in general, outside of large cities. We shall note that in the foreign historiography, the development of the revolutionary situation in the provinces, including elements of political cooperation, was reviewed on the materials of Saratov and several other biggest cities on the shore of Volga by the well-known expert on Russian history, D.J. Raleigh².

¹ V.T. Dronov, “Consent as a civilizational archetype of Russian society”, *Sotsis*, no. 9 (2016): 157–60. See reviews: O.A. Karmadonov, “Solidarity, integration, conjunction”, *Sotsis*, no. 2 (2015): 3–12; V.V. Bondaletov, “Evolution of self-organization ideas”, *Sotsis*, no. 3 (2015): 132–39.

² D.J. Raleigh, *Revolution on the Volga: 1917 in Saratov* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986); D.J. Raleigh, “Revolutionary Politics in Provincial Russia: The Tsaritsyn ‘Republic’ in 1917”, *Slavic Review*, vol. 40. no. 2 (1981), 194–209; D.J. Raleigh, “The Revolution of 1917 and the Establishment of Soviet Power in Saratov”, in *Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590 – 1917*; edited by A. Rex Wade and Scott Seregny, 277–306 (Columbus, Ohio: Ohio State University Press, 1989).

Main body

The February Regime gave great opportunities for the democratization of Russian society. Under these circumstances, the processes associated with political cooperation became more intense.³ It is obvious that various participants of the revolutionary process became allies and joined organizations where they had to interact with each other within the political framework.⁴ The policy papers of various political forces showed significant similarity, allowing justification of the blocking from the ideological point of view.⁵ Initially, the liberal Provisional Government veered to the left very quickly, and by the summer of 1917 it was comprised of socialists. In addition to the above, the main liberal party, Cadets, participated in all three coalition governments, and it even managed to strengthen its positions in its third composition, increasing the number of seats from four to six. The platform for cooperation between the right-wing liberal forces was the Moscow State Conference (held in August 1917). In September 1917, the All-Russia Democratic Conference took place in Petrograd attended by delegates from the Soviets, local self-governing authorities, trade unions, cooperatives, army corps and national institutions. In the pre-parliament elected at the meeting, there were 135 Socialist-Revolutionaries, 92 Mensheviks, 75 Cadets, 58 Bolsheviks, and 30 Popular Socialists. The coalitional ideas were characteristic for the executive power at the local level – governorate commissioners, provincial and district executive committees.

³ V.M. Kruzhinov and Z.N. Sokova, "The bodies of multi-party socialist power in the Urals in the autumn of 1917", *Russian History*, no. 5 (2017): 44–61; M.A. Fel'dman, "Industrial workers of Russia in 1917: Approaches to the 'socialist' revolution", *Russian History*, no. 5 (2017): 44–61; M.K. Shatsillo, "Russian entrepreneurs in search of contacts with the Soviet power in 1917–1918", *Russian History*, no. 1 (2016); 28–43; O.M. Morozova, "Don in 1917: A peaceful prelude to the revolution.", in *1917 in the Destinies of the Region, Country and the World. A glance from the 21st century*; ed. V.I. Goldin (Arkhangelsk: NArFU, 2017), 132–36; W.G. Rosenberg, *Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974); E. Mawdsley, *The Russian Civil War* (Edinburgh: , 2000); J.D. Smele, *The 'Russian' Civil Wars, 1916–1926. Ten years that shook the world*. London: Hurst & Company, 2015.

⁴ As the given facts of cooperation (but not their systematization in this context) are well known, a review of the situation on the scale of the former Russian Empire is based on the analysis of information from specialized encyclopedic literature: *Revolution and the Civil War in Russia: 1917–1923*; Chief editor S.A. Kondratov (Moscow: TERRA, 2008); Political parties of Russia. End of 19th – the first third of the 20th century; chief editor V.V. Shelokhaev (Moscow: ROSSPEN, 1996); Civil War and Military Intervention in the USSR / chief editor S.S. Khromov (Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1983).

⁵ Models of public restructuring in Russia. The 20th century; chief editor V.V. Shelokhaev (Moscow: ROSSPEN, 2004); M.E. Razinkov, "The Popular Socialist Party and the Russian Communist Party (the Bolsheviks): A comparative analysis of program instructions", in *History and Historiography of Right-wing Narodnichestvo*: Collection of articles; ed. G.N. Mokshin [and others]] (Voronezh: Istoki, 2014), 141–52.

Another ground for cooperation belonged to the authorities of revolutionary self-government. In the Soviets, the expected majority was made up of socialist parties – the SRs, the RSDLP and the Popular Socialists. The All-Russian Central Executive Committee set up at the First All-Russia Congress of Soviets in June 1917 included 107 Mensheviks, 101 Socialist-Revolutionaries, 35 Bolsheviks, eight ‘united’ Social-Democrats, four Trudoviks and Popular Socialists and one member of the Jewish Socialist Workers Party. The Soviets delegated their representatives to the city Dumas – the liberals’ assembly points. Because of re-elections, in summer, the city government was party-coalitional in nature. The social representation in it was provided not only by the Soviets, but also by the trade unions, which were headed by representatives of various parties too. Within the scope of one large city, various trade unions could be headed by the Bolsheviks, Mensheviks, Socialist-Revolutionaries and representatives of national parties who simply had to enter a dialogue with each other. At the Third All-Russian Conference of Trade Unions (June 1917), a provisional governing body was elected consisting of 16 Bolsheviks, 16 Mensheviks and three Socialist-Revolutionaries. The committees of civic organizations headed by the Cadets, Mensheviks and Socialist-Revolutionaries had a significant influence on shaping revolutionary power until July 1917 and from then onwards continued to assert their right for existence through the idea of representing various political forces.

Throughout 1917, the socialist parties, including the Bolsheviks, considered the possibility of creating a united front. V.M. Chernov advanced the idea of uniting socialists into a single party; the Mensheviks tried to recreate the unity of the RSDLP in May–August 1917 by convening a conference and a congress. At the second congress of the Popular Socialist Party (22–28th September 1917), it was stressed that to consolidate the social and governmental forces, the party would cooperate with the Right Socialist-Revolutionaries, the Menshevik internationalists, the *Edinstvo* (‘Unity’) group and Cadets.

The Bolsheviks regarded themselves as part of a common political framework, along with other socialist parties, at least until September 1917, and in some cases even before the convocation of the Constituent Assembly. Speaking about the possibility of peaceful development of the proletarian revolution, V.I. Lenin cited the example of the Kornilov affair, when even a short-term alliance of the Bolsheviks, Mensheviks and Socialist-Revolutionaries gave the “complete victory over the counter-revolution achieved with an ease unprecedented in any revolution; it gave such a crushing suppression of bourgeois, landlord and capitalist, allied imperialist and Cadet counter-revolution, that Civil War from crumbled to dust on this side, turned into nothing at the very beginning, disintegrated to any kind of ‘a battle’.” It was the Bolshevik leader’s idea that such an alliance would allow to view the revolution not from the military perspective but from a political angle, because “within the Soviets, the struggle of the parties for power could proceed peacefully, with the full democracy of

the Soviets...”⁶ In the course of the October coup, the Bolsheviks kept looking for compromises and avoided burning bridges, whilst joining various coalition governing authorities, as it was, for example, in the Urals or in Kursk⁷. The refusal of V.I. Lenin and L.D. Trotsky to form a ‘homogeneous socialist government’ caused the first crisis in the party that seized power.

The third aspect of cooperation was the merger of close political groups. In June 1917, the Trudoviks (Labor Group) and the Popular Socialists united, in July the *Mezhraiontsy* (‘Interdistrictites’) merged into the RSDLP(b), by August – the same happened to most members of the *Vperyod* (‘Forward’) group. In September, the small Liberal-Republican and Radical-Democratic parties merged too. This rapprochement also affected the national parties. As an example, in the summer of 1917, the Jewish Socialist and Zionist-Socialist Workers Parties united as well.

Finally, there emerged public associations of a political nature however with no party affiliations. From February to December 1917, the Provisional Committee of the State Duma was functioning, which included the Octobrist Party, Cadets, Mensheviks and representatives of most Duma factions. Since August, the council of community leaders in Moscow commenced its activities, which united members of the State Duma, Cadets, industrialists, members of zemstvos with electoral qualifications and representatives of the academia. It was announced on the intentions of the political alliance (blocs) with the Socialists at the second meeting of community leaders on 12–14th October 1917, which “advocated support of the groups using the state platform as their ground during the elections to the Constituent Assembly and merger with the Popular Socialist Party and the *Edinstvo* ‘Unity’ group⁸.

After the Bolshevik coup, the possibilities for political cooperation remained. The end of 1917–18 was the time to search for a democratic alternative to the Bolshevik dictatorship. The whole spectrum of inter-party and political-social formation of blocs was presented at the elections to the Constituent Assembly, where, along with predictable blocs, for example, the Socialist-Revolutionaries and Mensheviks, one could come across the agreements of Cadets and Plekhanov’s ‘Unity’, religious associations together with the Popular Socialists, the Bolsheviks with the Mensheviks, etc.⁹ At the same time, the Bolshevik regime interacted with other political forces. The leaders of the White Movement and national governments offered their own cooperation projects.

⁶ V.I. Lenin, *Lenin Collected Works*, vol. 34 (Moscow: Gospolitizdat, 1977), 222–23.

⁷ V.M. Kruzhinov and Z.N. Sokova, *The bodies of multi-party socialist*, 44–61; L.G. Protasov, *All-Russian Constituent Assembly: The History of Birth and ‘Death’* (Moscow: ROSSPEN, 1997), 271.

⁸ *Revolution and the Civil War in Russia*, vol. 1, 361–62.

⁹ See bloc-founding charts: L.G. Protasov, *All-Russian Constituent Assembly: The History of Birth and ‘Death’* (Moscow: ROSSPEN, 1997), 134, 137.

The anti-Bolshevik governments became center of attraction for socialist and liberal political forces, such as the Committee of Members of the Constituent Assembly, the Provisional Siberian Government, the Provisional Government of the Northern Region and the Ufa Directory. The Civil Council stood at the origins of the Volunteer Army, and the said council included four socialists and seven liberals (including M.M. Fedorov, B.V. Savinkov and P.B. Struve). The supreme power was exercised by the triumvirate: A.M. Kaledin ruled the Don region; L.G. Kornilov commanded the army; M.V. Alexeyev concentrated in his hands the civil administration, foreign contacts and finances. Even though in the time following, the idea of a military dictatorship triumphed, the basis of the White Movement was perceived as confederations and federations of various sorts: The Armed Forces of South Russia, the union of the regions headed by the white Supreme Ruler A.V. Kolchak, the federative project of the Don-Caucasus union suggested by P.N. Krasnov. It is significant that in the late 1917–18, Soviet Russia was also perceived as a confederation of revolutionary republics (Donetsk-Krivorozhskaya, Terskaya, Kuban-Chernomorskaya, etc.), which institutionally brought it together with the anti-Bolshevik confederations.

The most notable union within the scope of the October regime without doubt was the alliance of the Bolsheviks with Left SRs (November 1917 – March 1918). The Left SRs participated in the work of all the collegiate of the All-Russian Central Executive Committee occupying half of the seats there, used considerable influence in the Moscow Regional Council of People's Commissars, the Council of Commissioners of the Northern Region Commune Union, in the Central Chernozem Region and the Council of People's Commissars in Siberia and played a dominant role in the Council of People's Commissars (Turkestan) and in the Turkestan Central Executive Committee. Driven out of the Russian political framework in the summer of 1918, the Left SRs operated successfully as a leftist center in Ukraine. However, this forcing out was to some extent conditional, since the Left SRs, along with the anarchists, participated in the Second All-Russian Congress of Trade Unions (16–25th January 1919). The party of the Left SRs (the United Socialist Party of Russia) could participate in the Eighth All-Russian Congress of Soviets in December 1920.

The contacts of the Bolsheviks with the socialist parties remained, and the striving for such cooperation was mutual. Some of the socialists preferred to interact with the Bolsheviks and not with the White Movement regimes. The Bolsheviks, in turn, were interested in contacts with the socialists, when by the end of 1918 it became clear that the Civil War became stalled. Despite the factual break in relations between the RSDLP (United) and the Bolsheviks in June-October 1918, the former returned to the policy of institutional cooperation against the forces of the counter-revolution, acting as opposition in the Central Executive Committee, the Soviets and the trade unions. The reports "On the Tasks of Trade Unions" at the Second All-Russian Congress of Trade Unions were read not only by V.I. Lenin but also by Yu.O. Martov

and S.A. Lozovsky (the RSDLP (Internationalist). The SRs found themselves in a more difficult situation declaring a war against the Bolsheviks in May 1918, however being defeated by the White Movement. As early as in December 1918, at a meeting in Ufa, the prominent Socialist Revolutionaries decided to end the war with the Bolsheviks. The Central Committee did not recognize the actions of the Ufa delegation as legitimate for a long time but ultimately decided to agree to the talks with the RSDLP(b).

At the same time, whilst in the anti-Bolshevik governments, the Socialist-Revolutionaries and Mensheviks could occupy leading positions, within the framework of the Soviet system they were given the role of an unsuccessful critic. Therefore, it is quite understandable that another type of cooperation appeared at the end of the Civil War in the form of assimilation, i.e. transition of many socialist party figures and sometimes even parties themselves to the ranks of the Bolsheviks. In 1920–21, the Bund and the Russian Social Democratic Labor Party (Internationalists) merged with the RSDLP(i) in 1919, and the Russian party of independent social-democratic left-wing Internationalists joined the All-Russian Communist Party (bol'shevikov). There was also another merge of alternative communist groups with the RCP(b): The Party of the Narodnik Communists (October–November 1918) and the Party of Revolutionary Communism (September 1920). Similar processes were observed in the national territories of the disintegrated empire. As an example, the communist Polish Labor Party established in 1918 because of unification of the Social Democracy of the Kingdom of Poland and Lithuania with the Polish Socialist Party – the Levite became a powerful center to attract the communist and socialist orientated branches of the national parties in 1919–20. The party included the Polish local branches of the Bund, Poalei Zion, the Ukrainian Social-Democratic Labor Party and the Belarusian Socialist Party.

Another form of cooperation that was widely spread in the post-October period were the associations without party affiliation, such as the Committee for Salvation of Motherland and the Revolution, the Union for Constituent Assembly Protection, the Union of the New Russian Renaissance and the center-Right, as well as national, tactical and political centers (parties).

It can be seen from the above-mentioned facts that the diversity of cooperative forms was part of the revolutionary political culture, not only during the February Regime, but also in the post-October period, which is usually regarded as the period of one-party dictatorship. The most important forms of cooperation were as follows: interaction of the parties and public organizations in the revolutionary state and municipal authorities, cooperation of the parties up to their merging and creation of non-party socio-political associations. In my opinion, this interaction, which had a significant democratic potential, created a powerful and diverse basis for the democratic component in the expanded modernization process of the Russian state. For the Feb-

ruary regime, the cooperation was the basis of a new government formed from parties, state and self-government authorities. The democratic governments formed in Siberia, the Volga region and the Northern region in 1918 tried to extend this line. The October regime viewed this cooperation not only as a forced measure but also as a source of replenishment for the ruling party that positioned itself as the only center of attraction for all 'healthy' forces in the country. The White regimes gravitating towards a dictatorship like the Bolsheviks, identified themselves in line with the Western values, whilst cooperating with all the anti-Bolshevik forces, but preferring, however, their right-liberal component.

To understand the nuances of the revolutionary process development, it is important to look at the situation in the Russian province, a typical example of which may be the agrarian Voronezh province, where mostly Russians resided.

It may be safely said that like the Provisional Government, the local activists sought to create a new government based on a broad cooperation between the state institutions and public organizations, which was expressed in the collegiality of decisions on most issues. The Voronezh Committee of Public Safety formed on 11th March 1917 on an equal footing included representatives of the City Duma, the Soviet of Workers' Deputies and the committee of joint public organizations and institutions, as well as delegated soldiers and officers. Simultaneously, the committee of joint public organizations included representatives of 101 establishments and educational institutions. On 17th March, the City Duma included 26 delegates from the Soviets¹⁰.

Even though by the summer of 1917, the relationship between the Voronezh Soviet and the Committee of Public Safety had deteriorated noticeably, the interaction with the authorities that were directly subordinated to the Provisional Government remained and even continued to expand. The range of common points was quite impressive: cultural and educational work, meetings regarding food, fuel, social assistance, combatting crime and neutralizing the peasant movement. At the meetings that were held by the Governorate Executive Committee and various consultations, the state authorities, dedicated commissions and committees, zemstvo and city self-government authorities and army commanders were permanently represented¹¹.

After the October coup, the relationship between the Soviet, public organizations and institutions created during the February Regime or even prior to it, was not broken at once. The Governorate Food Administration, zemstvos and Voronezh City Duma expressed dissatisfaction with the new authorities; however, they periodically issued resolutions with regards to the need to continue operating under the new conditions. The provincial commissar B.A. Keller appointed to this post as far back as

¹⁰ Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti (GAVO) f. p-2393, op. 1, d. 12, l. 7; d. 13, l. 7–8.

¹¹ GAVO f. P-2393, op. 1, d. 3, l. 111 ob.; d. 10, l. 89.

July 1917 worked until December 1917. The pre-October staff of the district court, the prosecutor's office and the provincial zemstvo council held meetings until January 1918¹². The decision of the Provincial Committee on the liquidation of provincial zemstvo institutions was not made until August 1918, and the zemstvo institutions, together with the old employees, were incorporated into the regional economic Soviet (sovnarkhoz). It is significant that the power of the Bolsheviks did not 'demand blood' even of former obvious opponents. Thus, the first provincial commissar of the Provisional Government and chairman of the provincial zemstvo council V.N. Tomanovsky as early as in December 1918 held the post of head of the administrative and fiscal sub-department of the financial department in Voronezh Governorate Executive Committee¹³. B.A. Keller, who was involved in the performance of work in the Voronezh Oblast Executive Committee in the 1920-s continued his work as professor at the Voronezh Agricultural Institute and later as an academician of the USSR Academy of Sciences and VASKhNIL.

The cooperation of various segments in the Russian political system during 1917 – the first half of 1918 was explained by the presence of representatives of the same parties in those segments. Thus, the SRs, the Popular Socialists, the Social Democrats and an anarchist were listed as the participants of the meeting of the Governorate Executive Committee on 20th May 1917. At that time, the socialist-revolutionary V.P. Kabytchenko was appointed chairman, and the popular socialist (former Cadet) P.Ya. Rostovtsev – as deputy chairman¹⁴. After the July elections in the Voronezh City Duma, a council with an equal representation of the Socialist-Revolutionaries, Mensheviks and Cadets was formed¹⁵. There was a similar situation in the uyezd (district) centers. Out of the 22 deputies of the Valuyki Town Council, 17 were socialist-revolutionaries, two deputies were Bolsheviks, and one person was elected from Cadets and the Popular Socialists. In the Ostrogozhsk City Duma, Cadets received three seats, whereas the Bolsheviks won six seats¹⁶. The Voronezh City Duma elected in July provided a coalition of the Socialist-Revolutionaries, the Mensheviks and Cadets¹⁷.

At the same time, the socialist parties cooperated within the Soviet, where by the summer of 1917 there were the Socialist-Revolutionaries, the Bolsheviks, the Men-

¹² GAVO f. P-2393, op. 1, d. 2, l. 27, 53, 59; Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Voronezhskoi oblasti (GAOPI VO) f. 5, op. 1, d. 320, l. 23; P.N. Sobolev, *Preparation of the socialist revolution and establishment of the Soviet power in Voronezh province (Voronezh: Voronezhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955)*, 56.

¹³ S.V. Filiptseva, "End of the provincial zemstvo functioning in Voronezh in 1918", in *From the history of the Voronezh Region*, issue 18, 218–21 (Voronezh: VGU, 2011).

¹⁴ GAVO p-2393, op. 1, d. 3, l. 114, 117–18.

¹⁵ GAOPI VO f. 5, op. 1, d. 459, l. 21–23.

¹⁶ P.N. Sobolev, *Preparation of the socialist revolution and establishment of the Soviet power in Voronezh province (Voronezh: Voronezhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955)*, 56.

¹⁷ *Voronezhskii telegraf* [Voronezh Telegraph], 12th September, 1917, 1.

sheviks and representatives of the Bund. In August 1917, a decision was made to grant a seat in the Council to the Jewish Socialist Workers Party, and in September – to the Popular Socialist Party. In the summer of 1917, the united library of the Socialist-Revolutionaries and Social Democrats functioned in the Soviet (Council). At least in August–September 1917, there existed a socialist club, which included representatives of the Socialist-Revolutionaries and the Bolsheviks¹⁸. In other words, the contradictions between the parties were not fatal, and the points of contact were institutionalized. The cooperation was also carried out at the level of party committees, the Committee of South-Eastern Railway and emergency bodies: The Revolutionary Rules Committee established to curtail Kornilov's speeches, the Committee for Public Safety and the Provisional Revolutionary Committee (the VRK) that existed during the events of October–November 1917.

The available information proves that the Voronezh Bolsheviks had serious disagreements regarding the need for a break with the socialist movement and the coup itself. The Bolsheviks' Provincial Committee was created only in October 1917; that means that the contacts with the Mensheviks were not cut off completely during almost the entire of February Regime. The chairman of the Provincial Committee, the member of the old Bolsheviks N.N. Kardashev did not take a direct part in the organization of the coup in Voronezh. The latter was carried out under the leadership of a 'young' group led by the member of Mezhraiontsy ('Interdistrictites') A.S. Moiseyev who came from Petrograd after the events of July. The member of the Bolshevik Provincial Committee S.D. Turchaninov in early December 1917 left the party in protest against the October coup¹⁹. It is significant that the publications of the Voronezh Bolshevik newspaper *Put' Zhizni* ('The Way of Life') in August–September contained both a statement about the need for a civil war and attacks on the social-chauvinists, as well as announcements of the work of the Socialist club accompanied by the speeches of the Socialist-Revolutionary leaders²⁰. Before the coup, the Bolsheviks and the Left SRs proposed creation of a bureau to arrange re-elections to the Council, which included not only them but also Socialist-Revolutionaries, Mensheviks and politically uncommitted people²¹.

The succession of power to the Military Revolution Committee in Voronezh did not mean that the socialist parties were excluded from the political life. It must be said that representatives of the Military Revolution Committee did not intend to position themselves as explicit dictators and regarded themselves as an authority that tried to prevent the counter-revolutionary actions in Voronezh. The delegates and the

¹⁸ GAVO p-2393, op. 1, d. 3, l. 20, 34 ob., 58 ob., 73, 77, 79; d. 4, l. 85, 90.

¹⁹ Voronezh Regional Museum of Local Lore. Foundation of participants in the revolution and civil war. Folder No. 655/I. Vrachev I.Ya.

²⁰ *Put' Zhizni* [The Way of Life]. 1917. No. 1–7.

²¹ *Put' Zhizni* [The Way of Life]. 1917. No. 12. Pp. 3–4.

commissars sent forward to the militia and banks, to the mayor of the city and to the Duma, advocated their interests sharply, however did not seek to take up managerial posts against someone's will in these organizations. This led to the figures that were removed from power raising their eyebrows in surprise and gave rise to hopes for a possible revision of the situation. Throughout the first half of November, the Council tried to function with the help of the pre-October staff. The factions of the Socialist-Revolutionaries, Mensheviks and non-party people withdrew from the Council only on 10th November²². In November 1917, the Socialist-Revolutionaries managed to gather a peasant congress in Voronezh, and until the spring of 1918 they held meetings in the food commissions. The cooperation of the parties and public organizations based on protesting the Bolshevik – left-wing socialist revolutionist power was notable during the elections to the Constituent Assembly. The elections that took place on 12–14th November were accompanied not only by the declarations of trade union about unwillingness to cooperate with usurpers but also an attempt to consolidate the ‘sound forces of society’. Thus, the Voronezh organization of the Popular Socialist Party created a whole social front, where the Committee of united social organizations continued its work, as well as the Union of Intelligentsia, the Union of Engineers and Technicians as well as cooperators' associations²³. The parties and trade union organizations have repeatedly stated the need to cooperate with the governing authorities created by the ‘February regime’ (the Duma, councils and committees) and called for opening up relations with them at the inter-provincial level²⁴.

In March 1918, after signing of the Brest-Litovsk Peace Treaty, the Socialist Revolutionary faction declared its protest but remained in the Council. Up to the spring of 1918, the Socialist-Revolutionaries and the Mensheviks occupied important positions in the committee of servicemen of the South-East Railway, the Union of public servants at governmental institutions, and the Union of Engineers and Technicians and had access to the resources of the State Bank. At least until June 1918, the newspapers of the Mensheviks and Socialist-Revolutionaries were legally published in the province. A.V. Mikhailov, Chairman of the Council overthrown by the Bolsheviks, appears in the documents as one of the organizers of the provincial congress of trade unions in 1919, and the Menshevik's influence in the trade unions can be traced at least until 1920²⁵. During the election of the Council in the uyezd town of Pavlovsk in December 1917, a Bolshevik was elected as chairman, and a Socialist-Revolutionary – as his deputy. Moreover, before the end of the summer of 1918,

²² *Voronezhskii telegraf* [Voronezh Telegraph], 12th November, 1917, 2–3.

²³ *Voronezhskii telegraf* [Voronezh Telegraph], 9–11th November, 1917.

²⁴ *Voronezhskii telegraf* [Voronezh Telegraph], 18th November, 1917, 1.

²⁵ GAVO f. p-458, op. 1, d. 50, l. 19 ob.–20, 43; d. 258, l. 1ob.

there were two Councils functioning there – the City Council under the control of the Socialist-Revolutionaries and the Uyezd Council controlled by the Bolsheviks²⁶.

In 1918, the Bolsheviks continued their cooperation with the Left SRs. In October 1917, the representatives of these parties were regularly convened in ‘fives’, where all the tactical issues were discussed. During the coup, the members of the Military Revolutionary Committee, along with the Bolsheviks A.S. Moiseyev, V.N. Gubanov, I.A. Chuyev and I.Ya. Vrachev, there were the Left SRs E.F. Muravyov, I.S. Plyapis and N.I. Grigoryev. In December 1917, N.I. Grigoryev became Chairman of the VRK for a short time²⁷. The comrades led by the Left SRs E.F. Muravyov and M.A. Chernyshev played one of the key roles during the coup of 30th October 1917. A small detachment led by the Left SR Titkov as a matter of fact performed in late 1917 – early 1918 the functions of the Cheka by arresting suspicious meetings and participating in suppressing outbreaks of discontent in the city²⁸. Deputies from both factions were delegated to the Third All-Russian Congress of Soviets. On 28th December 1917, the Bolsheviks and the Left SRs organized the provincial peasant congress, where out of 169 delegates, there were 92 Bolsheviks, 61 Left Socialist-Revolutionaries and 16 non-party people²⁹. In May 1918, the Left Socialist-Revolutionaries headed the food and land divisions of the Soviets’ Provincial Committee, held the post of chairman of the revolutionary tribunal and participated in the nationalization of the Voronezh banks. In June 1918, the question was raised about the transfer of the financial department to the control of the Left Socialist-Revolutionaries, their participation in the Emergency Commission for Combating Counterrevolution, speculation and crime (sabotage) and publication of the newspaper, including newspaper of the Ukrainian Left Socialist-Revolutionary Central Committee relocated to Voronezh. The cooperation between factions was also practiced in the trade unions (for example, amongst postal and telegraph employees) and whilst regulating social conflicts³⁰. Even after the relations with the Left SRs started to be cooled (in Voronezh, it happened as early as in mid-June 1918), on 17th June, the Voronezh Committee of the RSDLP(b) proposed to the Left SRs to take the land, zemstvo’s, charity, legal, economic and health care commissariats instead of the key food and financial ones.

²⁶ GAVO p-2393, op. 1, d. 8a, l. 4–4 ob.; P.N. Sobolev, *Preparation of the socialist revolution*, 106, 142–43; *For the Power of the Soviets. Collection of memoirs of participants in the revolutionary events in Voronezh province in 1917 – 1918*; ed. I.G. Voronkov, T.M. Sevast’yanova (Voronezh: Voronezhskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1957), 86, 116–122.

²⁷ *For the Power of the Soviets*, 26, 46, 50–53; GAVO f. p-2393, op. 1, d. 8, l. 117.

²⁸ GAVO f. p-905, op. 1, d. 20, l. 107–08ob.

²⁹ P.N. Sobolev, *Preparation of the socialist revolution*, 111.

³⁰ GAVO f. p-2393, op. 1, d. 2, l. 13–14, 17, 21–21 ob., 36–37, 38 ob., 40, 42, 48, 51 ob., 58 ob., 62 ob., 64 ob., 81–82, 84, 95–96, 105.

Despite the gap that occurred after the Left SRs uprising in July 1918, there were no widespread arrests in Voronezh. On 24th July, the Provincial Committee of the Left SRs considered it possible to ask the Committee of the RCP (b) to lift an attachment of their newspaper, *Znamya Trudovoi Bor'by* ('The Banner of Labor Struggle'). In the uyezd chief town of Zadonsk, at the end of August 1918, the question was raised about prevention of the Left Socialist-Revolutionaries to be in the commission and in the presidium of the local council, and the Left SRs provided petitions that it was necessary for the party members to take seats in the council³¹. It is known that in Zemlyansk, one Left SRs was present in the Executive Committee even at the end of September 1918³².

The unwillingness to finally break away from the Bolsheviks led to the fact that part of Voronezh Left Socialist-Revolutionaries as early as in October 1918 took part in establishing the Party of Narodnik Communists, while still others in general declared the need to merge with the RCP (b)³³. It will be remembered that in 1920–21, the former leaders of the Left Socialist Revolutionaries in Voronezh E.F. Muravyov and M.F. Tseplyaeva agreed to the cooperation with the Cheka authorities and participated as assumed names of the non-existent Socialist-Revolutionary underground organization in the liquidation of 'Antonov's mutiny' or the Tambov Rebellion. In general, the Left Socialist-Revolutionaries wishing to cooperate with the Bolsheviks opted for assimilation. This allowed them to remain in the post-revolutionary subculture of the 'merited revolutionaries', however deprived them of the possibility to carry out political activities. Thus, in 1957, at the meeting of the participants in the Revolution of 1917, the honored guests were E.F. Muravyov and M.A. Chernyshev³⁴. Those same people who tried to reconcile with the authorities, however cherished the hope of a possible restoration of political activity, like one of the major figures of the Left SRs in Russia and Ukraine Ya.S. Bazarny, paid heavy price for it in the 1930-s.

The cooperation manifested itself at the level of national parties and committees as well. The accommodation of refugees from the Western regions of the former empire on the territory of Voronezh province and presence of a segment with the Jewish and German population led to the activity of national parties and organizations there. During the February regime, the Bund, the Zionist organization, Poalei Zion, the Jewish and Polish socialist parties showed themselves, and some of them had access to the Council's work. It is known that the Polish Socialists adjoined the Left SRs and were most inclined towards the October regime. On 5th December 1917, the Polish delegates appealed to the credentials committee of Voronezh Council, informing

³¹ GAOPI VO f. 1, op. 1, d. 13, l. 1–1ob., 8–9.

³² GAOPI VO f. 5, op. 1, d. 342, l. 1.

³³ GAOPI VO f. 1, op. 1, d. 12, l. 2.

³⁴ Voronezh Regional Museum of Local Lore. Foundation of participants in the revolution and civil war f 655/I. Vrachev I.Ya.

them that Voronezh had formed a group of the Polish Socialist Revolutionary Party, and at its meeting on 3rd December 1917 held by 33 members, K. Budogosky had been delegated to the Council. The Poles came out with full support of the October coup: “since the second Russian revolution was perceived as a great holiday, the day of unification of the Congress of Soviets with the Central Executive Committee of Soviets of Worker and Soldier Deputies. The revolutionary democracy would only deepen the revolution now by uniting around the Council of People’s Commissars”. In the same address, the Poles welcomed the decrees of the Council of People’s Commissars and the Polish Democratic People’s Republic³⁵. One of the leaders of Polish socialists S.I. Danil’kevich served as comrade chairman of Voronezh Council at the end of 1917.

Later, the cooperation was carried out by assimilating national organizations into the structures of the RCP(b) and cultural and educational authorities. In 1918, there existed the Provincial Commissariat for Jewish National Affairs. The Jewish section worked not only under the Provincial Committee of the RCP(b) but also in the local organization of the Revolutionary Communist Youth League. By August 1918, the Lithuanian, Latvian and German sections worked under the Provincial Committee of the RCP(b). Until the autumn of 1918, in Voronezh the Ukrainian ‘Gromada’ was present, along with the Regional Committee of the Ukrainian Left SRs that was evacuated from Kharkov. In 1922, in Voronezh, there existed the Ukrainian Club named after T.G. Shevchenko; the Ukrainian Provincial Bureau was created within the department of national minorities in the provincial department of public education³⁶.

In Voronezh province, the inter-party organizations, such as the Committee for the Salvation of Motherland and Revolution and the Union for Constituent Assembly Protection, were also very well represented at the turn of 1917–18. Thus, on 13th December, at the coordination meeting of the Union for Constituent Assembly Protection, representatives of 24 organizations participated in Voronezh, including those from the parties, trade unions, workers’ committees and 59th regiment under the command of N.N. Chekhov. However, the meeting was dispersed by the Military Revolutionary Committee³⁷. The Cadets, Socialist-Revolutionaries, Popular Social-

³⁵ GAOPI VO f. 5, op. 1, d. 323. l. 144–46.

³⁶ S.N. Korotun, "The sections of national minorities in the Voronezh Governorate in 1917–1941", in *From the history of Voronezh territory*. Collection of articles; Responsible ed. A.N. Akinshin (Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011), vol. 18, 224–229; S.N. Korotun, S.P. Tolkacheva and E.A. Shevchenko, *The national minorities in Voronezh Region in 1917–1941* (Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2012), 64, 66–68, 217–18, 228, 242; “Documents of Krasnyansk uprising; publication of Ya. V. Leont’ev”, in *Peasants’ front 1918–1922. Collection of articles and materials*; edited by A.V. Posadskii (Moscow: AIRO-XXI, 2013), 308; GAOPI VO f. 5, op. 1, d. 320, l. 23; GAVO f. p-2393, op. 1, d. 2, l. 21.

³⁷ *Voronezhskii telegraf* [Voronezh Telegraph], 14th December, 1917, 3.

ists, Social Democrats, representatives of the local Council of Workers' and Soldiers' Deputies, the uyezd Ukrainian Rada and the chairman of the uyezd commission for the Constituent Assembly elections participated in the meeting of the Committee for the Salvation of Motherland and Revolution on 5th December 1917 in the uyezd center of Valuyki³⁸. There are indications about the activities of similar organizations in the uyezd chief towns of Bobrov and Ostrogozhsk. At the same time, the Bolshevik – Left Socialist-Revolutionary authorities found the ability to conclude alliances with militant formations of unstable political orientation. In April 1918, in Voronezh, there emerged for a few days a 'federation' of representatives of the Red Army detachments who occupied the city and positioned themselves as 'anarchists' and Voronezh leadership of the Bolsheviks and Left Socialist-Revolutionaries. The Executive Committee of the Council was dissolved for a few days. Most likely, the 'anarchists' supported by the greater part of Voronezh garrison, were approached for cooperation by the Left Socialist-Revolutionaries, even more so that the units which entered the city were under the general leadership of the Left SR, G.K. Petrov³⁹.

Conclusion

It goes without saying that the above-mentioned facts do not void the presence of a powerful social and political conflict in the country. At the same time, we record the availability and significant evolution of political regime with regards to cooperation, both in the center and at the local level. Its rhythms might not have coincided; however, the forms in which it progressed demonstrated similarities. In February–October 1917, the cooperation was carried out at the level of the Provisional Government and the local administrative structures ascending to it; in revolutionary self-government authorities, inter-party blocs were formed, and the ideological parties merged. A distinctive feature of this period was the various parties to the political cooperation, which were after different forms of interaction. We believe not only the October coup became the turning point in the regime change, but also the failed Constituent Assembly, after the collapse of which the 'demolition' of the February regime began, which until that time rested upon the very structures of social solidarity. However, in 1918 such tendencies continued to exist within framework of 'democratic counter-revolution' regimes operating under the banner of solidarity of absolutely all anti-Bolshevik political forces.

The October regime demonstrated opportunities for compromises at the political, social and national levels; however, denying pluralism as the basis for cultural and ideological components in the political system. As forms of political cooperation, the contacts between the socialist parties continued to exist; not only 'democratic' self-

³⁸ *Voronezhskii telegraf* [Voronezh Telegraph], 15th December, 1917, 3.

³⁹ *Two Archival Documents*; compiled by S.N. Tret'yakov (Moscow: Izdatel'stvo Olega Pakhmutova, 2014), 91–95.

government authorities (the Soviets and trade union associations) were integrated into the new political system, but also the working arrangements of zemstvos, city dumas and national organizations. The federation was a preferable form of state-territorial organization. At the same time, the White regimes offered a similar authoritarian model of political interaction, whilst preserving, however, the external attributes of democratic interaction: inter-party and non-party associations, cooperation of parties in governments and the existence of local self-government.

Список литературы

- Бондалетов В.В.* Эволюция идей самоорганизации // Социс. 2015. № 3. С. 132–139.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / гл. ред. С.С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 704 с.
- Два архивных документа / сост. С.Н. Третьяков. М.: Издательство Олега Пахмутова, 2014. 126 с.
- Дронов В.Т.* Согласие как цивилизационный архетип российского общества // Социс. 2016. № 9. С. 157–160.
- Кармадонов О.А.* Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социс. 2015. № 2. С. 3–12.
- Коротун С.Н.* Секции национальных меньшинств в Воронежской губернии (1918–1921) // Из истории Воронежского края. Сб. ст. / отв. ред. А.Н. Акиншин. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2011. Вып. 18. С. 224–229.
- Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А.* Национальные меньшинства Воронежского края в 1917–1941 гг. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2012. 328 с.
- Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сб. статей и материалов / под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2013. 740 с.
- Кружинов В.М., Сокова З.Н.* Органы многопартийной социалистической власти на Урале осенью 1917 г. // Российская история. 2017. № 5. С. 44–61.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1977. Т. 34.
- Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2004. 608 с.
- Морозова О.М.* Дон в 1917 году: мирная прелюдия революции // 1917 год в судьбах региона, страны и мира. Взгляд из XXI века / под общ. ред. В.И. Голдина. Архангельск: САФУ, 2017. С. 132–136.
- Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. 872 с.
- Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 368 с.
- Разиньков М.Е.* Трудовая народно-социалистическая партия и Российская коммунистическая партия (большевиков): сравнительный анализ программных установок // История и историография правого народничества: Сб. статей / под ред. Г.Н. Мокшина [и др.]. Воронеж: Истоки, 2014. С. 141–152.
- Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг.: Энциклопедия. В 4 т. / гл. ред. С.А. Кондратов. М.: ТЕРРА, 2008.

Соболев П.Н. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1955. 152 с.

Фельдман М.А. Промышленные рабочие России в 1917 г.: подходы к «социалистической» революции // *Российская история*. 2017. № 5. С. 44–61.

Филиппцева С.В. Завершение деятельности губернского земства в Воронеже в 1918 г. // *Из истории Воронежского края*. Сб. ст. / отв. ред. А. Н. Акиншин. Воронеж, 2011. Вып. 18. С. 218–221.

Шаццлло М.К. Российские предприниматели в поисках контактов с советской властью в 1917–1918 гг. // *Российская история*. 2016. № 1. С. 28–43.

Mawdsley E. The Russian Civil War. Edinburgh: Printed and bound by Grafica Veneta, 2000. 362 p.

Raleigh D.J. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986. 373 p.

Raleigh D.J. Revolutionary Politics in Provincial Russia: The Tsaritsyn “Republic” in 1917 // *Slavic Review*, 1981. Vol. 40. № 2. P. 194–209.

Raleigh D.J. The Revolution of 1917 and the Establishment of Soviet Power in Saratov // *Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590–1917* / Ed. by Rex A. Wade and Scott Seregny. Columbus, Ohio: Ohio State University Press, 1989. P. 277–306.

Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974. 534 p.

Smele J.D. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926. Ten years that shook the world. London: Hurst & Company, 2015. 423 p.

References

Bondaletov, V.V. “Evolyutsiya idei samoorganizatsii” [Evolution of self-organization ideas], “*Sotsis*”, no. 3 (2015): 132–39. (in Russian)

Dronov, V.T. “Soglasie kak tsivilizatsionnyi arkhetyip rossiiskogo obshchestva” [Consent as a civilizational archetype of Russian society], “*Sotsis*”, no. 9 (2016): 157–60. (in Russian)

Dva arkhivnykh dokumenta [Two Archival Documents; compiled by S.N. Tret'yakov]. Moscow: Izdatelstvo Olega Pakhmutova, 2014. 126 p. (in Russian)

Fel'dman, M.A. “Promyshlennye rabochie Rossii v 1917 g.: podkhody k ‘sotsialisticheskoi’ revolyutsii” [Industrial workers of Russia in 1917: Approaches to the ‘socialist’ revolution], “*Rossiiskaya istoriya*” [Russian History], no. 5 (2017): 44–61. (in Russian)

Filipitseva, S.V. “Zavershenie deyatel’nosti gubernskogo zemstva v Voronezhe v 1918 g.” [End of the provincial zemstvo functioning in Voronezh in 1918]. In *Iz istorii Voronezhskogo kraja*. Sb. st.; отв. ред. А.Н. Акиншин [From the history of the Voronezh Region. Collection of articles; Chief editor A.N. Akin'shin], issue. 18, 218–21. Voronezh: VGU, 2011. (in Russian)

Grazhdanskaya voina i voennaya interventsia v SSSR. Entsiklopediia; gl. red. S.S. Khromov [Civil War and Military Intervention in the USSR. Encyclopedia; edited by S.S. Khromov]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. 704 p. (in Russian)

Karmadonov, O.A. “Solidarnost’, integratsiya, konyunktsiya” [Solidarity, integration, conjunction], “*Sotsis*”, no. 2 (2015): 3–12 (in Russian)

Korotun, S.N. “Sektzii natsionalnykh menshinstv v Voronezhskoi gubernii (1918–1921)” [Sections of national minorities in Voronezh Governorate (1918–1921)]. In “*Iz istorii Voronezhskogo kraja*” [From the history of Voronezh region. Collection of articles; Chief ed. A.N. Akin'shin], vol. 18, 224–29. Voronezh: Tsentral’no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel’stvo, 2011. (in Russian)

Korotun, S.N., S.P. Tolkacheva, and E.A. Shevchenko. *Natsional'nye men'shinstva Voronezhskogo kraia v 1917–1941 gg.* [The national minorities in Voronezh Region in 1917–1941]. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2012. 328 p. (in Russian)

Krest'ianskii front 1918–1922 gg. Sb. statei i materialov; pod red. A.V. Posadskogo [Peasant Front of 1918–1922. Collection of articles and materials; edited by A.V. Posadskii]. Moscow: AIRO-XXI, 2013. 740 p. (in Russian)

Kruzhinov, V.M., and Z.N. Sokova. “Organy mnogopartiinoi sotsialisticheskoi vlasti na Urale osen'yu 1917 g.” [The bodies of multi-party socialist power in the Urals in the autumn of 1917], “Rossiiskaya istoriya” [Russian History], no. 5 (2017): 44–61. (in Russian).

Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. V 55 t.* [Lenin Collected Works. In 55 volumes]. Moscow: Gospolitizdat, 1977. Vol. 34 (in Russian)

Mawdsley, E. *The Russian Civil War*. Edinburgh: Birlinn, 2000. 362 p.

Modeli obshchestvennogo pereustroistva Rossii. XX vek; otv. red. V.V. Shelokhaev [Models of public restructuring in Russia. The 20th century; edited by V.V. Shelokhaev]. Moscow: ROSSPEN, 2004. 608 p. (in Russian)

Morozova, O.M. Don v 1917 godu: mirnaya prelydiya revolyutsii [Don in 1917: A peaceful prelude to the revolution]. In *1917 god v sudbakh regiona, strany i mira. Vzglyad iz XXI veka* [1917 in the Destinies of the Region, Country and the World. A glance from the 21st century, edited by V.I. Goldin], 132–36. Arkhangelsk: SAFU, 2017. (in Russian)

Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka. Entsiklopediya; otv. red. V.V. Shelokhaev [Political parties of Russia. End of 19th – the first third of the 20th century. Encyclopedia; Edited by V.V. Shelokhaev]. Moscow: ROSSPEN, 1996. 872 p. (in Russian)

Protasov, L.G. *Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie: istoriya rozhdeniya i gibeli* [The All-Russian Constituent Assembly: The History of Birth and Death]. Moscow: ROSSPEN, 1997. 368 p. (in Russian)

Raleigh, D.J. *Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986. 373 p.

Raleigh, D.J. “Revolutionary Politics in Provincial Russia: The Tsaritsyn ‘Republic’ in 1917”, *Slavic Review*, vol. 40, no. 2 (1981): 194–209.

Raleigh, D.J. “The Revolution of 1917 and the Establishment of Soviet Power in Saratov”, in *Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590 – 1917*; Edited by Rex A. Wade and Scott Seregny, 277–306. Columbus, Ohio: Ohio State University Press, 1989.

Razin'kov, M.E. “Trudovaya narodno-sotsialisticheskaya partiya i Rossiiskaya kommunisticheskaya partiya (bol'shevikov): sravnitelnyi analiz programmnykh ustanovok” [The Popular Socialist Party and the Russian Communist Party (the Bolsheviks): A comparative analysis of program instructions]. In *Istoriia i istoriografiia pravogo narodnichestva* [History and Historiography of Right-wing Narodnichestvo: Collection of articles; edited by G.N. Mokshin and others], 141–52. Voronezh: Istoki, 2014. (in Russian)

Revolyutsiya i Grazhdanskaya voina v Rossii: 1917 – 1923 gg.: Entsiklopediya. V 4 t.; Gl. red. S.A. Kondratov [Revolution and the Civil War in Russia: 1917 – 1923: Encyclopedia. In 4 volumes; Chief editor S.A. Kondratov]. Moscow: TERRA, 2008 (in Russian)

Rosenberg, W.G. *Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974. 534 p.

Shatsillo, M.K. “Rossiiskie predprinimateli v poiskakh kontaktov s sovetskoi vlast'yu v 1917–1918 gg.” [Russian entrepreneurs in search of contacts with the Soviet power in 1917–1918], *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], no. 1 (2016): 28–43. (in Russian)

Smele, J.D. *The 'Russian' Civil Wars, 1916–1926. Ten years that shook the world*. London: Hurst & Company, 2015. 423 p.

Sobolev, P.N. *Podgotovka sotsialisticheskoi revolyutsii i ustanovlenie Sovetskoi vlasti v Voronezhskoi gubernii* [Preparation of the socialist revolution and establishment of the Soviet power in Voronezh province]. Voronezh: Voronezhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. 152 p. (in Russian)